

Максим Владимирович Моисеев

*Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

✉ maksim-moiseev@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-34-40

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ В XVI–XVII ВВ.

Дипломатическая культура Московского государства в XVI–XVII вв. относится к недостаточно изученной тематике. Коммуникационные практики московских послов, стратегии выстраивания коммуникаций в ходе осуществления миссии непосредственно связаны с так называемым посольским обычаем. Нормы поведения послов фиксировались в посольских наказах, которые являлись инструктивными документами. Отписки, статейные списки, документы, отражавшие этапы осуществления миссии, фиксировали модели поведения, которые избирал посол для достижения поставленных целей. Предлагаемая статья посвящена исследованию коммуникативных стратегий, которые избирали русские дипломаты, отправленные в мусульманские страны: Крымское ханство, Ногайскую Орду, Османскую империю, Сефевидский Иран и ханства Средней Азии.

По прибытии в ставку крымского хана русские дипломаты попадали под опеку «амиятов» — посредников в дипломатических отношениях. Эта функция была монополизирована родом Сулешовых [Новосельцев, 1948. С. 19; Виноградов, 2006. С. 26–73]. Именно Сулешовы выступали основными представителями крымской зна-

© М. В. Моисеев, 2021

ти, с которыми русские послы поддерживали постоянные контакты. Они посещали послов, сообщали им претензии хана и дивана, выслушивали жалобы русских, сообщали сведения о международных отношениях и участии в них Крымского ханства в текущее время [Виноградов, 2006. С. 26–73; Сергеев, 1913. С. 52–53, 55–56]. Если же послам требовалось получить какую-либо информацию, провести рабочие переговоры с представителями знати, то они отправляли для контактов своих толмачей [Сергеев, 1913. С. 53–55]. При этом сами дипломаты покидали ставку только в случае, если их вызывали к хану. То есть в ходе осуществления миссии русские послы предпочитали минимизировать передвижения и преимущественно находились в своей ставке.

Отношения Московского государства с Ногайской Ордой по сравнению с русско-крымскими связями были менее формализованы. Однако и в них коммуникативная стратегия, избранная русскими послами — это малоподвижность. Они располагались в своей ставке и принимали визитеров, вели с ними переговоры и собирали информацию. Вне ставки дипломаты оказывались лишь тогда, когда их ожидал бий для корешевания (ритуал приветствия, включавший в себя обнимание гостя) и переговоров. При этом служилые татары, сопровождавшие послов, свободно передвигались по ногайским кочевьям, развозя послания для представителей знати и собирая сведения по текущей ситуации.

Русские послы в Османской империи, также большую часть времени проводили в месте размещения миссии. К ним прикреплялись официальные представители султана, которые информировали посла о встречах и сопровождали его к султану¹ [Путешествия, 2008. С. 72–73]. Кроме них непосредственный контакт с послом имели также ближайшие сотрудники султана. Ивана Семенова сына Морозова

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 276 об. – 277.

приглашал для встречи Айяс Мехмед-паша, а непосредственно перед аудиенцией у Сулеймана I с ним встретился великий везирь Паргалы Ибрахим-паша². Позднее, во время миссии И. Новосельцева частые переговоры с ним вел знаменитый Мехмед Соколлу [Путешествия, 2008. С. 73–74, 90].

Отношения с Сефевидским Ираном имели несколько усложненную логистику, так как выстраивались они через посредничество гилянского хана. Так, Григорий Васильчиков в сентябре 1588 г. находился в Гиляни и активно контактировал с тамгачеем Хозя-Месеи [Памятники, 1890. С. 25–28, 30–32]. Разместили посла в городе Лянгуре³ [Памятники, 1890. С. 27]. В Лянгуре с русским послом кроме тамгачея встречался купец Хозя-Асан и известный кызылбашский дипломат Анди-бей, эмиссар гилянских сепаратистов, представителем хана Ахмета-гилянского — Хозей Усемендином [Памятники, 1890. С. 32, 34, 38]. Через месяц прибытия в Гиляни круг контактов посла расширился за счет сановников хана [Памятники, 1890. С. 43, 46]. 16 октября 1588 г. русский посол наконец-то был принят гилянским ханом [Памятники, 1890. С. 47]. В начале ноября посольский караван достиг «шаховой границы», где основным контактером с иранской стороны стал Махмуд-султан. Уже в Казвине Г.Б. Васильчикова посетил представитель грузинского царя Александра при шахском дворе [Памятники, 1890. С. 64]. В конце января 1589 г. русский посол приехал в Савас, где должен был встретиться с шахом Аббасом, а затем, 3 февраля в город Кум, потом в Кашан, а оттуда 18 февраля в Сваган [Памятники, 1890. С. 72–74]. В этом городе Васильчиков выступил с возмущенной речью перед приставом Улы Улу-беком [Памятники, 1890. С. 75]. Негодование, вызванное этими бесконечными передвижениями,

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 279 об.

³ Имеется в виду Ленгеруд, расположен в 5–10 км от Каспийского моря, в дельте реки Сефируд.

привело к тому, что 22 февраля 1589 г. к русскому послу пришли представители шаха для переговоров, но сам Аббас не появился. Васильчиков был вынужден вновь обсуждать мировую обстановку с сановниками [Памятники, 1890. С. 75–79]. 6 апреля 1589 г. русские вернулись в Казвин, а 9 апреля Васильчиков наконец-то был принят Аббасом [Памятники, 1890. С. 87].

Во всех этих перипетиях нас интересует, какую коммуникационную стратегию избирал посол московского царя. Однако, ничего необычного для московского посольского обычая. После получения подворья Г. Б. Васильчиков старался вести малоподвижный образ жизни. Официальные лица чаще всего приезжали к нему, а в случае необходимости получить дополнительную информацию или договориться о встрече дипломат посылал толмача. В принципе, все отклонения от привычных норм можно объяснить своеобразием самого шаха и способом ведения им дипломатических переговоров. Как, например, известная ситуация конца XVI в., когда Аббас привел московских послов на пир, на котором устроил настоящее представление. Ближе к себе шах посадил московских дипломатов, пониже расположил грузинского царевича и посла царя Александра, а еще ниже разместил посла от бухарского хана Абдуллы. Шах сидел вкушал «овощи, яблока и всякие ягоды слаткие», а затем он спустился к послам и за ним принесли флягу с вином. Обошел послов, предложил русским послам шарapu или вина русского выпить и не кручиниться, ведь умершие русские посольские люди умерли волей Божьею, а не его виной. Так что пейте и «будите веселы». Затем Аббас приказал принести лук и дал послам его натянуть, но ни русские, ни грузинские, ни бухарский послы его не натянули и отдали шаху. Шах его натянул, за ухо, а затем «да с луком трожды ложился вонзачь, а легши и ноги советь, да и вставал, ни за что не держася». После чего сел около бухарского посла и заявил ему, что Бог даст, пойдет на Бухару с этим самым луком и, Бог даст, вся его земля достанется шаху (ну а не даст, то вся земля шаха достанется бухарскому хану).

Затем Аббас заявил, что из головы Абдуллы-хана, сделает себе чашу, которую окует золотом, и будет пить из нее шарап. После этих слов шах перешел к прямым оскорблениям бухарского хана, объявив, что тот не «мужик, а жонка рабская», торговый мужик и тезик. Эти словесные упражнения шаха продолжались ровно до того момента, как «...у шаховы лавки двои часы маленькие бьют», после чего шах со своими придворными начал молиться, призывая помощь Аллаха на бухарского хана. Посол бухарского хана сидел все это время около шаха «почернев, ни жив, ни мертв, ни одново слова не отвечал». Завершив же молитву, Аббас стал весел и начал «вино и шарап пити» и послов угощать. Однако, легко заметить, что нарушения московского посольского коммуникационного этикета происходило и в этом случае не по вине посла и его окружения, а было лично инспирировано Аббасом.

Иван Хохлов и члены его посольства, направленные в Бухарское ханство, в итоге провели в Хивинском и Бухарском ханствах два года, с осени 1620 по осень 1622 г. За это время и сам посол, и его персонал вступали в разнообразные контакты с местным населением, выстраивая коммуникационные сети, благодаря которым получал информацию.

Основную нагрузку по ведению коммуникаций несли посол, переводчик и толмач. Именно специалисты по переводу Иван Тырков и Семен Гарасимов чаще всего вступали в контакты с исполнителями разных уровней, что не всегда находило отражение в официальной документации миссии. Часто встречающееся слово в статейном списке «приказал» свидетельствует о том, что большую часть рабочих контактов непосредственно сам Иван Хохлов лично не осуществлял. Но как происходила эта коммуникация? Увы, но это из документа ясно далеко не всегда. Впрочем, вряд ли это происходило с помощью переписки, скорее всего, встречая термин «приказал», мы должны понимать, что он либо что-то сообщал назначенному приставу, либо (что происходило не реже) отправлял к тем или иным официальным

лицам принимающей стороны своих переводчика и толмача [Моисеев, 2021. С. 365–377].

Московские послы, находясь в миссии, старались минимизировать контакты, ограничивая их только необходимым кругом официальных лиц. Объяснить подобное поведение можно представлениями о том, что посол символизировал собой суверена его направившего. В таком случае, любая неподобающая встреча, словесное и, хуже того, физическое оскорбление наносили ущерб статусу монарха. Во время нахождения посла при дворе принимающей стороны он был воплощением своего государя и главная функция — не дипломатическая изворотливость, а сохранение или даже приумножение государственной чести. Однако при таком понимании задач посла было сложно выполнить коммуникационную и разведывательную функции дипломатии. Преодолевалась эта сложность тем, что основную коммуникационную нагрузку несли члены посольской свиты и переводчики. Именно переводчики курсировали между домами и кочевьями, встречались с разного уровня управленцами, вели беседы и собирали информацию. Еще одним способом получения информации стали встречи с пленниками, которые укрывались у послов, а также приезжали к ним с целью выкупа. Именно пленники становились едва ли не главнейшими источниками знаний по обстановке в стране назначения.

Литература и источники

Виноградов А. В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой Степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 26–73.

Моисеев М. В. Миссия И. Д. Хохлова в Бухару в 1620–1623 гг. и коммуникационные сети русской дипломатии в Центральной Азии // Вестник РУДН. Серия: История России. Т. 20. № 3: Модели политической коммуникации Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии. 2021. С. 365–377.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII вв. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб.: Наука, 2008. 490 с.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт. Лештуков пер., д. № 13, 1890. Т. 1. 472 с.

Сергеев А. А. Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1913. Вып. 50. С. 20–56.